

ЭТНОГРАФИЯ В ИНДОНЕЗИИ¹

1945 год — год победы национально-освободительного движения Индонезии и освобождения страны от колониальной зависимости — можно считать и годом рождения индонезийской этнографии (антропологии). С этого времени и до сих пор никогда этнографическая наука не ставила перед собой иных задач, чем те, которых требовала практика экономического, культурного и национального развития страны. Подчиненность этнографических исследований актуальным потребностям и проблемам развития независимой Индонезии постоянно подчеркивали в своих работах и выступлениях как антропологи, социологи, представители других социальных наук, так и общественно-политические деятели. В этой цельности и неизменности задач, острой политической окрашенности этнографических исследований и состоит наиболее ярко выраженная черта этнографии как науки на протяжении всего послевоенного периода Индонезии. В этом отношении наука всегда носила и носит прикладной характер. Именно социально-политические потребности развивающейся по пути независимости страны обусловили возникновение и определили характер и направления в развитии индонезийской антропологии, придали ей ту специфику, которая отличает ее от антропологии в других странах Юго-Восточной Азии, не испытавших столь бурных революционных потрясений.

В этой статье сделана попытка показать, как конкретно реализовывались в Индонезии связи этнографии с современностью в различные периоды послевоенного времени, как постепенно с ростом профессиональных кадров развивались представления о содержании этнографии, расширялась и обогащалась методика этнографических исследований. И всякий раз, как бы ни возникало впечатление настойчивой повторяемости и однообразия, мне придется вслед за авторами рассматриваемых работ говорить об актуальных проблемах экономического, национального, культурного развития, ставших предпосылкой появления тех или иных исследований.

Лозунг о необходимости тесной связи этнографии с практическими потребностями страны, несмотря на свою неизменную актуальность, в первые годы существования республики (1949—1955) носил чисто декларативный характер и являлся скорее установкой на будущее развитие этой науки.

В стране еще не было профессиональных этнографов среди индонезийцев. Этнологическими исследованиями занимались в основном служащие административно-политического аппарата, которые осознавали необходимость этнографических знаний в своей практической деятельности. Отсутствие специальной подготовки не могло, однако, не отразиться на их трудах, представлявших собой «бессистемные и некритические компиляции фактов» [Village 1967: 28], — такую строгую оценку дает крупнейший

¹ Впервые опубликовано в: Этнографическая наука в странах Азии: Южная и Юго-Восточная Азия. М., 1993. С. 178—209.

современный индонезийский этнограф Р. М. Кунчаранингат, к работам которого мы будем неоднократно обращаться. Его слова относятся только к исследованиям по общине, но именно они в то время отражали состояние национальной этнографической науки в целом.

Неблагоприятно сказалась на развитии национальной индонезийской этнографии в первые годы независимости и решительный разрыв с голландской традицией изучения народов Индонезии. А ведь как раз Индонезия стала тем огромным исследовательским полем, на котором возник ряд школ и направлений в голландской этнологии, внесшей заметный вклад в развитие мировой этнографической науки [Членов 1979: 274–288]. Первые индонезийские ученые не только отказались изучать голландский язык, но и не захотели использовать опыт изучения индонезийских народов голландскими учеными, считая их проводниками идей колониализма. Вскоре, однако, индонезийские ученые поняли необходимость изучения истории индонезистики, решили произвести переоценку важнейших достижений голландской этнологии, сделать труды голландских исследователей в какой-то мере доступными для индонезийцев. Именно с этой целью и был написан юристом Р. С. Сасонгко учебник для средней школы под названием «Введение в этнологию», где в облегченной форме дается пересказ на индонезийском языке содержания двух этнологических пособий голландских авторов — Дейфендака и Фишера [Sasongko 1956], т. е. собраны самые общие сведения о народах Индонезии, их происхождении, языке, социальной организации, хозяйстве, жилище, формах брака и т. п. В 1950-х — начале 1960-х годов появляются переводы голландских книг по этнографии, социологии, обществоведению, например «Введение в культурную антропологию Индонезии» Х. Фишера; «Экономико-социальная история Индонезии» Ю. Х. Бюргера; «Общение. Краткое введение в общую теорию обществоведения с упором на Индонезию» Р. Дайка; «Жизнь в древней Индонезии» Х. Хекерена и др. [Fischer 1959; Burger 1962; Dijk 1951; Heekeren 1955].

Позже, уже в 1970-е годы, возникнут совместные индонезийско-голландские исследования, в частности по проблеме семейного планирования. И все же неприятие голландской этнографии (хотя и в более умеренном выражении, чем в первые годы после революции) сохраняется в течение всего последующего времени. Голландские школы в этнографии, возникшие на основе полевых исследований в Индонезии, не оказали заметного влияния на современную индонезийскую этнографию, которая, как будет видно из дальнейшего описания, стала ориентироваться на методы и концепции английской и американской культурной и социальной антропологии и пошла по пути интеграции социальных, исторических и филологических наук, пытаясь соединить физическую и социальную антропологию, этнологию, археологию, этнолингвистику [Koentjaraningrat 1969a: 107]².

² О различном содержании понятий *этнология*, *социальная и культурная антропология* см.: [Бромлей 1979: 7–22].

Если обратиться к самым истокам индонезийской этнографии, то надо отметить, что началась она с проблем исследования культурного строительства и лишь несколько позже в ней ясно обозначилась социально-экономическая тематика, долгое время сохранявшая доминирующее положение в этой науке.

Сразу после провозглашения независимости, когда еще не было кадров профессиональных этнографов, не были определены предмет и задачи индонезийской этнологии в целом, в стране стали серьезно обсуждать проблемы развития культуры в независимой Индонезии. И это было не случайным явлением, а своего рода продолжением довоенной, разгоравшейся в 1930-х годах среди национальной интеллигенции еще в условиях колониального режима, но в преддверии грядущего освобождения страны полемики о культуре. «По какому пути должно идти развитие культуры независимой Индонезии?» — вот главный вопрос, который вызвал горячую дискуссию между сторонниками западной ориентации во главе с писателем, ученым и общественным деятелем Сутаном Такдиром Алишахбаной и националистически настроенными общественными деятелями и писателями во главе с Ки Хаджи Девантарой и Сануси Пане. Сутан Такдир Алишахбана считал, что независимая Индонезия должна усвоить материализм, интеллектуализм и динамизм западной культуры, а Сануси Пане утверждал, что Индонезии следует вернуться к своему прошлому, т. е. к созерцательности и умиротворенности восточной, прежде всего индийской, культуры [Kartamihardja 1954].

Проблемы, казавшиеся столь важными и значительными в довоенный период, потеряли свою остроту в условиях независимости. Стало ясно, что Индонезия должна идти собственным путем в развитии культуры, но актуальность приобрел другой вопрос: что такое культура и какова ее роль в построении нового общества? Этот вопрос в числе других обсуждался на двух всеиндонезийских конгрессах в 1948 г (в Магеланге) и в 1954 г. (в Бандунге), которые были организованы Обществом по изучению индонезийской культуры. Важное место, в частности, на 2-м конгрессе занимала проблема определения культуры³. Один из выступавших отметил, что если до 1948 г. под понятием *культура* подразумевалось прежде всего искусство, то теперь считается, что оно «охватывает всю жизнь человека в обществе, как внешнюю, так и внутреннюю <...> все внутренние силы и возможности, наличествующие в обществе, т. е. все результаты человеческого разума, включая его стремление к созиданию или его творческую энергию» [Indonesia 1952: 386, 392]. На этом же конгрессе подчеркивалось, что культура является движущей силой в борьбе за полное национальное освобождение. «Культура — это результат действий человека, который разрушает и формирует окружающий мир так, как это нужно для достижения более высокого жизненного уровня. Мы всегда рассматриваем культуру как результат слияния разума,

³ Материалы 2-го Индонезийского конгресса см.: [Indonesia. Madjalah kebudayaan. 1952: 2—486].

духа и материи», — сказал в приветственной речи конгрессу Мохаммад Хатта [Indonesia 1952: 21].

Тогда же был поставлен вопрос о том, как гармонично развивать культуру многочисленных народов Индонезии и как наилучшим образом воспринимать достижения западной культуры, чтобы способствовать обогащению национальной индонезийской культуры, не нарушая принципы и мораль индонезийского общества и, самое главное, не противореча принципам *панча сила* — основе государства.

На этом конгрессе еще не было специалистов-этнографов, но общественные деятели, искусствоведы, литераторы и другие деятели культуры определили, по существу, этнографический подход к изучению культуры, который в будущем подхватят и будут развивать этнографы.

В начале 1950-х годов в журнале *Indonesia* печатались статьи по культуре, имеющие важное этнографическое значение: о синтезе западноевропейской и индонезийской музыки, танцевальном искусстве Индонезии, судьбе балийского искусства, его индийских истоках, о балийских кастах, традиционной балийской культуре, об искусственной консервации некоторых ее сторон в интересах туризма, о современных веяниях в балийской культуре [Indonesia 1952, № 7: 1–6; № 8: 1–8; № 9: 5–7; *Nomor Bali* 1952]⁴

Чтобы преодолеть разобщенность и способствовать взаимному ознакомлению с жизненным укладом, представлениями и культурой многочисленных индонезийских народов и, таким образом, на деле осуществлять политику единства, провозглашенную в государственном лозунге «различны, но едины» (*bhineka tunggal ika*), в 1950-х годах создается серия под названием «Знай свой край» (*Kenallah tanahairmu*), которая продолжала выходить до конца 1970-х годов. Начало этой серии положил популярный очерк о торджах, месте их расселения, основных занятиях, жилище, праздниках, одежде, жизненном укладе; затем были изданы подобные материалы о жизни и населении острова Роти, Восточной Явы, Бали, Мадур, Сунды. Близи к этой серии вышедшие в 1950-е годы популярные описания истории, географии, населения Индонезии, Западного Ириана, Пасундана (части Западной Явы), а также воспоминания о жизни, праздниках, свадебных и похоронных обрядах, пище населения острова Роти [Harahap 1952a, b; Gyanto 1958; Woentaran 1957; Katoppo 1955; Safiudin dan Harahap 1955; Soemaatmadja 1960; Halim Karim 1952; Silitonga, Soekardin, Tambuan 1952; Efendi 1952; Samsudi 1954; Manafe 1967], книга об обычаях каро батаков [Tamboen 1952], в которой излагаются сведения по географии, истории, родовой социальной организации деревни, повседневной жизни, занятиях народа, описываются различные обряды жизненного цикла, религиозные представления. Поскольку автор книги о каро батаках — профессиональный судья, он уделил особое внимание вопросам землепользования, наследованию собственности, судопроизводству, административному управлению. Вышедший в 1956 г. сборник «Знакомьтесь с Южным Сулавеси» [Mangemba

⁴ Выпуск посвящен исключительно Бали.

1956] сочетает популярные очерки о жизни и представлениях народов Южного Сулавеси с научными статьями, посвященными вопросам исторических и культурных связей этой области с другими частями Индонезии.

Статьи по культуре и искусству, популярные очерки о жизни различных народов Индонезии, написанные искусствоведами, литературоведами, писателями, журналистами, юристами, государственными деятелями, но не профессиональными этнографами, в первое десятилетие после индонезийской революции, были, по сути дела, первыми образцами описательной этнографии, рассчитанными на широкие слои читателей и не претендовавшими на постановку, а тем более на решение важных проблем этнологии. Среди вышедших в начале и середине 1950-х годов работ по социальной тематике (например, о социальном положении крестьян в районе Пачет, результатах социально-демографического исследования в окрестностях Джокьякарты [Zahar 1953; Guritmo 1956]) выделяется своим проблемным характером работа К. Л. Тобинга о Западном Калимантане [Tobing 1954]⁵. Журналист по профессии, автор начиная с 1952 г. написал ряд статей и книг по социально-экономическим проблемам Индонезии. В названной книге его внимание привлекли вопросы традиционной экономики даяков и особенно проблема трансмиграции, т. е. взаимоотношения даяков с переселившимися на их земли из густонаселенных районов Явы. Анализируя вопросы землепользования у даяков, приверженность их своим традициям, подчеркивая их отличие от традиций пришлого населения, Тобинг объясняет причины неудачи политики трансмиграции на Калимантане. Так в начале 1950-х годов был впервые поставлен на обсуждение этот острый вопрос, который в будущем займет особое место в этнологических исследованиях.

Появляются первые работы самих индонезийцев по социологии и социальной психологии [Gondokusumo 1947; Soerjokoesomo 1951; Nadikusuma 1951; Adinegoro 1958]. Следует выделить книгу Х. Шадили «Социология в индонезийском обществе» [Shadily 1957], написанную в тюрьме в 1948 г. на основе двух европейских трудов по социологии (П. Вундта и Г. Спенсера), а также собственных наблюдений. Изложив социологические проблемы, автор заканчивает книгу главой «Общий взгляд на культуру и общество в Индонезии», в которой рассматривает культуру как саморазвивающееся, спонтанное явление в обществе и цивилизации, как явление, сознательно усвоенное обществом под влиянием внешних факторов. Главная цель, которую ставит автор книги, — с помощью социологической методики понять, что происходит в современной Индонезии, проанализировать характер изменений в индонезийском обществе и культуре и предсказать их развитие.

В первое десятилетие существования Индонезийской республики не сложились еще представления о предмете этнографии, содержании этой науки и ее границах, но из приведенных определений понятия *культура*,

⁵ На эту же тему в 1957 г. защитил диссертацию Камото Утомо [Камото Утомо 1957].

отбора книг для пересказов и переводов на индонезийский язык с голландского, социологических работ самих индонезийцев возникает явная тенденция тесного сотрудничества этнологии с социологией, экономикой, демографией, которое будет и дальше развиваться по пути синтеза социальных наук и культурологии. Вскоре появляются и первые теоретические обоснования намечающейся тенденции, подчеркивается необходимость особого пути развития индонезийской этнографии, отличного от этнографического развития в Европе и США.

В учебнике «Основы индонезийской антропологии», написанном доцентом Университета в Бандунге Абдурахимом Джих, разделяются понятия *физическая антропология* и *культурная антропология*; к последней относятся социальная структура, система родства, религия, первобытная экономика, типы общин. Кроме того, автор выделяет понятие *этнография* как описание отдельных этносов Индонезии (аче, батаков, минангкабау, ментавайцев, сунданцев, балийцев). Особенно подчеркивается необходимость антропологических знаний для изучения любых областей жизни страны и прежде всего для осуществления политики взаимного уважения и взаимопонимания, т. е. для практического применения государственного лозунга «Различны, но едины». «Главная задача культурной антропологии в нашей стране, — говорит автор, — помочь в развитии отсталым племенам страны и внести вклад в прогресс государства и всей нации» [Abdurachim Jih 1962: 100].

В середине 1950-х годов в начале своей научной деятельности Р. М. Кунчаранинград написал учебник по истории индонезийской культуры [Коентжанинград 1956] для средней школы высшей ступени, который вполне можно считать и первым учебником по общим проблемам индонезийской этнологии. Автор не отвергает достижения голландских исследователей в изучении культуры народов Индонезии. Более того, Кунчаранинград достаточно высоко оценивает их вклад, но при этом подчеркивает, что они рассматривали индонезийскую культуру и общество не изнутри, а с точки зрения внешних влияний: индийских, мусульманских, европейских. Poleмизируя конкретно с голландским археологом В. Ф. Стюттерхеймом, который, выделив индуистский, а затем индонезийско-индийский период в истории культуры Индонезии, делает, кроме того, слишком большой крен в сторону археологии при исследовании культуры в целом, Р. М. Кунчаранинград формулирует свое понимание *культуры*, которое включает: 1) орудия труда в самом широком смысле слова, куда входят сельскохозяйственные орудия, оружие, жилище, одежда; 2) общество со всей социальной структурой; 3) язык; 4) науку («знание»); 5) верования; 6) искусство. Определив такое, по существу, неограниченное содержание культуры, в котором сливаются понятия собственно *культура* и *общество*, Кунчаранинград переходит к более конкретным проблемам антропологии и этнографии Индонезии, характеризует этапы истории культуры Индонезии, реконструирует доисторическое прошлое страны, кратко и в самой общей форме описывает происхождение народов Индонезии, родственные группы, территориальные объединения; рассматривает проблемы рода, племени, этноса, возник-

новения государств, верований и представлений об окружающем мире у индонезийских народов, первые произведения литературы и искусства, делает выводы о происхождении народов, языков, типов жилища, социальной организации народов Индонезии. Позже, в серии работ, посвященных культуре и социальной организации, Кунчаранингат более конкретно и определенно разовьет свои идеи. В свете его последующих трудов книгу по истории индонезийской культуры, вышедшую в период становления индонезийской этнографии как науки, можно рассматривать в качестве первой попытки сформулировать в самой обобщенной, несколько абстрактной форме основные задачи и проблемы будущих исследований.

Еще один известный антрополог И. Б. Аве в докладе «Рождение антропологии как науки и ее дальнейшее развитие» обратил внимание на важные функции культурной антропологии в деле государственного строительства, ссылаясь при этом на опыт СССР и Мексики. И. Б. Аве считает необходимым привлечь внимание исследователей к эволюционной теории, которая усиливает свои позиции в освободившихся странах Азии, Африки, Латинской Америки. «Хотя еще слишком рано утверждать, — пишет Аве, — что антропология в освободившихся странах Азии, Африки, Латинской Америки имеет одинаковые особенности, все же можно с уверенностью сказать, что в этих странах развивается единая антропология, отличная по своему характеру от европейской и американской. Антропологией занимаются местные кадры, практически сосредоточенные на исследованиях собственной страны, осуществляющие полевую работу в тесной связи с археологией, физической антропологией, лингвистикой, историей. Они уделяют внимание именно тем аспектам культуры, которые были недооценены функционалистами, а сейчас не учитываются этнопсихологами США. Индонезийские антропологи подвергают критическому пересмотру этнографический материал, собранный от стране иностранными антропологами» [Ave 1961: 30]. В 1970-е годы И. Б. Аве предложил свою классификацию индонезийских народов [Ave 1970].

С середины 1950-х годов в индонезийской этнографии начинают проводиться конкретные этносоциологические исследования деревни, прежде всего яванской общины. В 1954—1955 гг. Индонезийский университет в Джакарте обследовал 23 яванские деревни по специальной социодемографической программе. Интерес к сельской общине проявил также Институт по изучению социальных проблем и обычного права при университете в Джакарте; результаты обследования были опубликованы в журнале *Sociografi Indonesia*. В конце 1950-х годов были защищены диссертации и вышли в свет книги этнографов, экономистов, демографов, посвященные вопросам землевладения и землепользования в общине Центральной Явы, проблемам административного управления, проблеме лидера, различным демографическим проблемам [Bachtiar 1958; Sastrodihardjo Soedjito 1957; Nitisastro 1956; Nitisastro, Ismael 1959].

В 1958—1959 гг. Кунчаранингат, работая в Корнелльском университете США, предпринял на примере центральной яванской общины исследование принципа *gotong-rojong* (взаимопомощи и кооперации), считающегося од-

ним из основополагающих принципов, на котором строится современное индонезийское общество. С помощью метода контрольного сравнения, предложенного американским ученым Ф. Эгганом, Кунчаранинград изучил состав деревень, хозяйство, родственные связи и показал, сколь разнообразно может быть содержание принципа *gotong-rojong*, зависящее от характера помощи, времени ее осуществления, длительности, от отношений между участниками, способов вознаграждения. Учитывая все эти признаки, Кунчаранинград подразделяет единый по своей сути принцип на семь типов [Koentjaraningrat 1961a]. Несколько позже Кунчаранинград вернется к этой проблеме, но уже на более широком материале — в связи со сравнительным изучением индонезийской общины. Он отметит всю сложность понятий и представлений, выраженных в принципе *gotong-rojong*. Помимо взаимопомощи и кооперации этот принцип означает также возмещение услуг общине ради общего блага (*kerdja bakti, darma bakti*), а также особую духовную атмосферу, особый социокультурный этос, в котором находит выражение система ценностных ориентаций, нравов и обычаев общества. Последний аспект принципа *gotong-rojong* чрезвычайно важен в национальном строительстве [Village 1967: 394, 395, 397], о чем Кунчаранинград позже будет писать не один раз. В 1983 г. вышла еще одна книга Кунчаранинградата, посвященная яванской культуре. Эта работа была оценена в научных кругах как наиболее серьезное исследование этой темы со времен Т. С. Рэффлза (середина XIX в.) [Koentjaraningrat 1983].

Предстоящее введение земельной реформы и решение крестьянского вопроса усилило внимание ученых к проблемам деревни. Выходит в свет книга «Строительство деревенской общины» Ины Сламет, бывшей в то время заведующей отделом культурной антропологии в Институте общественных исследований, который состоял при юридическом факультете Индонезийского университета в Джакарте. И. Сламет также занималась сельской общиной Явы — вопросами землевладения, землепользования, урбанизации и обнищания, взаимопомощи и кооперации. Эта книга, во многом перекликаясь с книгой Кунчаранинградата, своеобразно дополняла ее. Второе издание своей книги Ина Сламет дополнила материалом о проведении земельной реформы и распределении урожая в общине [Slamet 1965].

В 1963–1964 гг., в течение года, на Западной Яве проводил этносоциологическое обследование Сантосо Састромихарджо. В десяти деревнях собирались сведения о различных сторонах жизни яванской общины: системе родства, воспитании детей, традиционных методах ведения хозяйства, религиозных верованиях, отношении членов общины к традиционным институтам. Социолог Село Сумарджан, опубликовавший ранее два глубоких социологических исследования о развитии деревенской общины и о социальных изменениях в Джокьякарте [Sumardjan 1962a; 1962b], после участия в этой экспедиции напечатал результаты своего обследования двух деревень по методу качественного анализа⁶

⁶ См. об этом: [Koentjaraningrat 1969a: 101, 102].

В 1964 г. группа от Университета им. Гаджи Мады в Джокьякарте изучала вопросы землевладения и землепользования на Яве с помощью методов количественного анализа. Что касается общины за пределами Явы, то в 1960-х годах можно назвать только одну общину, привлекающую внимание ученых. Это община у отданумов (Южный Калимантан), экономические и социальные отношения которых изучала группа антропологов под руководством И. Б. Аве. Результаты этого исследования остались неопубликованными, кроме одной статьи о физических данных отданумов [Munandar, Liem Niang Tjong 1961].

Достаточно большой материал по изучению преимущественно яванского общества, методика, отработанная при исследовании различных социально-экономических проблем, касающихся ее функционирования, подготовили почву для более широкого изучения общины Индонезии в целом на новом материале и на уровне междисциплинарных исследований. Новый этап в изучении индонезийской общины открывается уже упоминавшейся мною книгой, изданной на двух языках — английском и индонезийском, под редакцией Кунчаранинграта [Masjarakat desa 1964; Village 1967]. Эта книга — результат сотрудничества индонезийских, английских и американских специалистов по этнографии, социологии, обычному праву и сельскому хозяйству, которые подчинили свои интересы в изучении общины задачам ее этнографического исследования. Таким образом, если вся этнография Индонезии мыслится как синтез социальных наук, о чем неоднократно говорили ведущие ученые страны, то книга *Village in Indonesia* является примером синтеза в изучении индонезийской общины. Эта книга — первое фронтальное исследование индонезийского общества после колониального периода, которое продолжает оставаться преимущественно аграрным. Предметом внимания являются 13 типов региональных общин, разных по своим социально-экономическим и религиозным параметрам: общины Суматры (минангкабау, каро батаков, лампунгов), Центральной и Западной Явы, Сулавеси, Бали, Западного Ириана.

Очерки, посвященные каждому типу, построены по возможности единообразно: особенности демографии, характер поселений, характер собственности на землю, социальные и политические структуры. Богатый сравнительный материал по индонезийской общине, представленный в книге, раскрывает сущность многих явлений и процессов, происходивших в то время в стране. Эта книга стала своего рода эталоном для последующих работ по общине. Назовем для примера учебник по сельскому хозяйству для средней школы «Основы социологии общины». Автор — Сукандар Вириятмаджа, опираясь на европейских социологов и на указанную работу по общине, рассматривает проблемы деревенской жизни с точки зрения представлений ее участников о жизненном цикле, социализации, моделях поведения, понятиях о социальной норме и жизненно важных ценностях, а также касается проблемы коммуникации и общественного мнения, социальной стратификации, социальных, экономических и религиозных институтов, изменений в социальной жизни города и деревни.

Появившиеся национальные кадры антропологов все шире привлекались к решению наиболее актуальных проблем экономического и культурного строительства. В 1960-е годы были популярны идеи строительства нового справедливого и процветающего общества, единства и интеграции народов Индонезии, идеи создания единой индонезийской нации, под которой подразумевалось не этническое, а политическое единство в рамках одного индонезийского государства. В эти годы рождается новое ответвление в индонезийской этнографии — изучение папуасов Западного Ириана. До этого времени территория Западного Ириана оставалась единственным владением Голландии, и изучением ее населения голландцы продолжали усиленно заниматься. Развернувшаяся в конце 1950-х — начале 1960-х годов борьба за освобождение Западного Ириана завершилась воссоединением его с независимой Индонезией, исследование народов этой области стало делом индонезийских ученых. Перед страной встал вопрос, как втянуть в общее революционное движение народы Западного Ириана и как проводить политику экономического и культурного строительства среди папуасского населения Западного Ириана, которое довольно резко отличается по своим физическим и культурно-бытовым признакам от основной массы индонезийского населения. Ученые справедливо полагали, что единственный путь к этому — подробное знакомство научных кругов и широких масс населения с жизнью и культурой папуасов.

Этой цели отвечали почти одновременно вышедшие три книги о папуасах Западного Ириана. Одна из них — книга уже упоминавшейся Ины Сламет «Жизнь народов Западного Ириана». Начинается она с классификации народов Западного Ириана по территориальному и культурно-хозяйственным признакам, но более подробно описывает культуру трех племен: мимика — наиболее отсталого полукочного народа, населяющего южный болотистый берег; экари (а также мони) — племени, живущего высоко в горах, и мую — племени, живущего на границе с Восточным Ирианом и имеющего общие черты как с горными, так и с прибрежными народами этой территории. Под культурой автор понимает, как это нам уже известно по другим его работам, «всю жизнь определенного человеческого коллектива, включая его материальную и духовную деятельность» [Slamet 1964: 19]. После кратких сведений о хозяйстве, социальной организации, религиозных представлениях, описания системы родственных связей, которые пронизывают всю жизнь папуасов, автор переходит к главной проблеме, ради которой написана работа, — к проблеме их будущего развития в составе Индонезии. С одной стороны, низкий уровень развития культуры, крайняя изолированность и территориальная разобщенность племен и, как следствие, замкнутость и этноцентризм очень тормозят процесс адаптации папуасов к новым условиям жизни в Индонезии. Но, с другой стороны, по мнению исследовательницы, имеются и позитивные факторы, которые способствуют их интеграции с другими народами Индонезии. В этом отношении особенно большое значение приобретают принципы взаимных услуг и равенства (*timbang balik, kesamarataan*), а также чрезвычайно разветвленная система

родственных связей. Перечисленные факторы поддерживают в людях чувство собственного достоинства, уверенности в себе, свободную манеру поведения, что, по мнению ученого, облегчает им переход из каменного века в современное общество. Что касается проблемы культурной адаптации папуасов, то и здесь есть особенность в поведении, которая содействует как интеграции отдельных папуасских племен, так и интеграции их с индонезийскими народами, а именно — способность папуасов легко усваивать элементы пришлых культур, будь то элементы культур других папуасских племен или элементы культуры индонезийских народов. Используя все эти факторы, нужно преодолеть отсталость и замкнутость папуасов и приобщить их к культурной жизни и строительству нового общества в Индонезии — таков вывод книги И. Сламет о папуасах.

Одновременно с книгой И. Сламет о папуасах Западного Ириана вышел сборник очерков о них под редакцией Кунчаранинграта и социолога Харши Бахтиара [Penduduk Irian Barat 1963]. Задача сборника была определена так же, как и для большинства вышедших в послевоенное время книг по этнографии, а именно — знакомство народов Индонезии с культурой друг друга для того, чтобы понять и уменьшить этнические различия при строительстве справедливого и процветающего общества, основанного на принципе «Различны, но едины». Книга представляет собой историко-географические очерки как о Западном Ириане в целом, так и об отдельных племенах: биак нумфорах, варопеях, мую, каранках, маринд-аним и др. Как и в работе И. Сламет, затронут очень важный вопрос о культурной адаптации и изменении в культуре папуасов под влиянием культуры пришлого населения. Но взгляды на папуасскую культуру у авторов двух названных книг различаются. Если И. Сламет подчеркивает такие черты папуасской культуры, как ее нетронутость, жизненность, изолированность, то в сборнике под редакцией Кунчаранинграта и Х. Бахтиара обращено внимание на иной аспект культуры — ее восприимчивость к внешним влияниям. Правда, Ина Сламет тоже обратила внимание на эту черту папуасской культуры, приводя даже слова Т. И. Хелда о папуасах как импровизаторах культуры, но она не развила этот свой тезис.

В своей статье в указанном сборнике Х. Бахтиар подробно рассматривает древние культурные связи Западного Ириана с государствами Индонезии в период голландского господства и позднее, которые ускорили процессы социальной дифференциации папуасского общества. Автор считает, что в настоящий момент нужно подчеркивать факторы, не разъединяющие, а объединяющие папуасов: такими факторами должны стать индонезийский язык, общие денежные единицы, религия (мусульманство или христианство). Х. Бахтиар считает, что нужно проводить политику прочного единения папуасских культур, обогащенных влияниями, идущими от народов за пределами Западного Ириана.

В статье Кунчаранинграта в этом сборнике проводится мысль о том, сколь сложным может оказаться процесс столкновения двух культур для такого народа, как папуасы. Обрушившиеся на них иностранные влияния

переживались папуасским обществом как огромное потрясение, которое, по мнению автора, должно привлечь всестороннее внимание антропологов. Сам же Кунчаранинград анализирует одну проблему, связанную с культурной инвазией в Западном Ириане: культ карго. Рассматривая этот культ на сравнительном материале всей Меланезии, Африки, Америки, Кунчаранинград приходит к выводу, что в нем выражается внутренний протест аборигенного населения против влияния чужеземных культур. Кунчаранинград считает, что реакцию на культурные влияния, которая приобретает столь своеобразные формы в образе мышления и в поведении носителей местной культурной традиции, необходимо изучать для общего дела — строительства нового общества.

В 1964 г. антропологи, географы и лингвисты двух университетов — Паджаджаран (Бандунг) и Чандеравасих (Джайяпура) изучали папуасское племя мукоко с тем, чтобы установить причины, мешающие его развитию [Anwas 1964].

И наконец, упомянем еще одну работу о Западном Ириане, вышедшую в конце 1960-х годов [Koentjaraningrat 1969b]. Она стала результатом четырехмесячного изучения общественно-экономической структуры мелких производителей копры на северном побережье Западного Ириана. Анализируя резкое сокращение производства копры после присоединения Западного Ириана к Индонезии, автор приходит к выводу, что причиной этого являются наряду с тяжелыми природными условиями социально-культурные факторы — недостаток рабочей силы, а также слабое развитие принципа взаимопомощи и кооперации, дух индивидуализма и общественной апатии.

Потребности экономического строительства в Индонезии требовали еще более активного участия этнографов и социологов в этом важном деле. «Этнография на службе экономики» — так была сформулирована основная задача научных исследований. Двое видных ученых страны — этнограф Кунчаранинград и социолог Х. Бахтиар, ранее сотрудничавшие при изучении папуасов Западного Ириана, выработали проект изучения социокультурной ситуации в Индонезии в целях развития экономики [Koentjaraningrat, Vachtiar 1969]. Они выделили шесть основных факторов, влияющих на темпы экономического строительства в условиях независимости: 1) особенности демографии; 2) фактор социальной дифференциации; 3) фактор социальной стратификации; 4) этническое самосознание; 5) ценностная ориентация; 6) воспитание и образование.

Особенности демографии. В проекте отмечалось, что большой прирост населения, высокая рождаемость, особенно в густонаселенных районах Явы, приводит к определенным сдвигам в социальной жизни страны: усилению классовой дифференциации, нехватке земли, продуктов питания, увеличению числа свободных рабочих рук, что, в конце концов, сказывается и на межэтнических отношениях. Поэтому рекомендуется именно в плотно населенных районах Явы проводить исследования вопросов землепользования, изучать общинные структуры и их историю. В этой же связи

необходимо обратить внимание на этнографию питания, т. е. проследить, как осуществляется переход от риса к другим продуктам питания, поскольку его не хватает. Следует выяснить при этом, что выгоднее: ввозить рис или перейти к другим продуктам питания. Прямая связь демографических и экономических проблем сказывается и в области техники, т. е. большое количество свободных рабочих рук препятствует внедрению эффективной техники, что, в свою очередь, отражается на количестве продукции.

В связи с проводившейся политикой семейного планирования роль этнографов состоит в том, чтобы выяснить, каково отношение к ней в городах и сельских местностях, каково влияние религиозных представлений и системы ценностных ориентаций этноса в решении вопроса о количественном составе семьи.

С конца 1950-х годов в Индонезии проводились мероприятия по планированию семьи и установлению контроля за рождаемостью, которые, в конечном счете, должны были смягчить остроту ряда социально-экономических проблем, стоявших перед страной. С конца 1960-х годов мероприятия по планированию семьи становятся частью официальной государственной политики. В ее проведении участвуют демографы, экономисты, политические и общественные деятели⁷. Какова же роль этнографов в исследовании демографической проблемы? Они должны выяснить отношение к вопросу о количественном составе семьи в городах и сельских местностях, как влияют на его решение религиозные представления, система ценностных ориентаций этноса. Проблема планирования семьи сопряжена и с проблемой занятости населения. Антропологам (этнографам) поэтому рекомендуется изучить вопрос о занятости молодежи, что, в свою очередь, связано с проблемой воспитания и образования детей.

Есть еще один демографический фактор, который должен привлечь внимание этнографов и антропологов, — это вопрос о трансмиграции населения из плотно населенных районов Явы в другие области Индонезии. Курс на переселение проводится давно, буквально с первых лет существования республики, но до сих пор не выяснено, какова разница между спонтанной и организованной государством политикой трансмиграции, каковы причины, заставляющие людей мигрировать, и как складываются межэтнические отношения в районе миграции.

Фактор социальной дифференциации. Необходимо изучить связи между различными социальными группами и внутреннюю структуру этих групп, специфику их в центральных районах и на периферии, обратить внимание на подготовку кадров со средним образованием, изучить формы производственных объединений, решить в каждом конкретном случае вопрос об их модернизации. Надо провести на большом сравнительном материале исследование принципа совместного труда в разных типах общин Индонезии. Сказанное относится и к фактору социаль-

⁷ Подробный анализ и оценку этой политики с социально-экономической точки зрения см.: [Демин 1979: 146–160].

ной стратификации. Отмечено, что эта проблема получила достаточное развитие на материале таких областей, как Макаassar, Бали, Тимор, но в целом в Индонезии нет обобщающих работ по особенностям социальной стратификации в различных частях страны.

В стране, насчитывающей более 300 народов, говорится в проекте, особое значение в строительстве новой экономики приобретают факторы этнического самосознания и ценностной ориентации. Поэтому требуется всестороннее изучение межэтнических отношений, причин, усугубляющих или ослабляющих этническую напряженность. Естественным следствием этнического многообразия является различная система ценностных ориентаций у разных народов, разных социальных групп населения внутри одного этноса, разных религиозных общин, жителей городов и деревень, мигрантов и коренных жителей определенной территории. Иными словами, требуется широкое сравнительное изучение системы ценностных ориентаций на разных уровнях общественной структуры. В заключении проекта сказано о роли воспитания и образования в развитии национальной экономики.

Этот проект, нацеленный на изучение этнографии современности, исследование этносоциокультурных явлений и процессов современной Индонезии, оказывающих огромное влияние на практику национального строительства, в какой-то мере подводил итоги уже сложившимся направлениям научных поисков в индонезийской этнографической науке и определял дальнейший путь развития этнографии, отвечающей животрепещущим проблемам страны. Так, мы уже видели, что именно плотно населенные районы Явы стали объектами первостепенного внимания антропологов, демографов и социологов в 1950–1960-е годы.

Проблема трансмиграции также заняла определенное место уже в самом начале развития национальной этнографии. Мы отмечали книгу К. Л. Тобинга о трансмиграции на Калимантане. В середине 1950-х годов школа по изучению сельскохозяйственных проблем при Индонезийском университете провела сравнительные исследования проблемы трансмиграции в двух областях — в северной части Центральной Явы и Южной Суматре. Серьезное исследование политики трансмиграции в связи с новыми общинными отношениями в Индонезии, посвященное, в сущности, этносоциокультурным проблемам Индонезии, представил Судигдо Харджосудармо. Он начинает книгу с теории миграций, анализа причин, их вызывающих, поднимает связанные с миграцией проблемы десоциализации и ресоциализации группы мигрирующих этносов. Основная цель миграции — установление равновесия между природой и человеком в самом широком смысле слова, куда входит, в частности, правильное соотношение между промышленными и сельскохозяйственными резервами, между производительными силами городов и деревень в разных областях страны. Автор подчеркивает, что трансмиграция, осуществляемая прежде всего с целью построения единого, сплоченного, справедливого и процветающего общества, является важным политическим и социально-экономическим мероприятием, имеющим,

кроме того, стратегическое значение. Не обходит он вниманием и этнографический аспект этого мероприятия, так как оно предполагает взаимодействие культур разных народов Индонезии и в идеале должно способствовать культурной ассимиляции. «Трансмиграция означает связь двух стереотипов жизни, отличающихся друг от друга. Поэтому-то в нашем анализе мы не ограничимся только экономической стороной этого явления, а будем постоянно учитывать и антропологические его аспекты» [Hardjosudarmo 1965].

В Индонезии взаимодействие двух культур приобретает вполне конкретный вид: поскольку трансмиграция в этой стране означает переселение яванцев на другие острова, то речь идет о взаимодействии именно яванской культуры с культурой коренного населения других территорий. Автор подробно рассматривает традиционную привязанность яванцев к своей системе хозяйствования, своим социальным институтам, праздникам, обычаям, представлениям. В день окончания поста, например, они обязательно возвращаются в свои родные края, чтобы получить благословение более старых родственников, предков, которых они покинули. Пожилые люди возвращаются на родину, чтобы в случае смерти быть похороненными в земле предков. Яванцы стойко сохраняют свой язык, одежду, форму жилища, манеры, образ жизни, искусство (театр, гамелан, танцы), систему взаимопомощи, наследования, родственные связи, связи с большой семьей, оставшейся на Яве. Отсюда следует вывод о том, сколь важно учитывать этнокультурные особенности народов при осуществлении трансмиграции и как трудно предугадать результаты этой политики для каждой области в отдельности и для Индонезии в целом.

Что касается изучения систем ценностных ориентаций, то еще в конце 1950-х годов вышла книга Кунчаранинграта, посвященная проблемам семьи, социализации и воспитания детей на Центральной Яве, в которой автор поставил вопрос о формировании личности в связи с изменениями в культуре, о связи социальных процессов в общине с особенностями традиционной культуры и об учете специфических форм поведения отдельных этносов в культурном строительстве многонациональной Индонезии [Koentjaraningrat 1957].

Явное тяготение к злободневным вопросам современности продолжает быть характерной особенностью этнографических исследований и в последующие годы. Они осуществлялись в русле намеченной программы. Поставленные в ней задачи реализовывались по-прежнему в контакте этнографов с социологами, экономистами, демографами; исследования сохраняли ярко выраженную социально-политическую направленность.

В 1970-е годы продолжают выходить работы комплексного этносоциологического, демографосоциологического, философско-социологического содержания [Nitisastro 1970; Hardjosudarmo 1970; Sastrodihardjo 1968; Dinamika social... 1974; Susanto 1977]. Идее воспитания молодого поколения, его роли в национальном строительстве в социальной, экономической и культурной жизни страны был посвящен специальный выпуск проекта

программы по воспитанию молодого поколения [Pembinaan... 1975]. По-прежнему привлекают внимание исследователей вопросы межэтнических отношений, складывающихся отнюдь не безболезненно для обеих сторон в процессе трансмиграции. Сложные межэтнические отношения, возникающие при столкновении культур пришлых и коренных этносов, доходящие нередко до серьезных конфликтов и взаимной открытой вражды на Южном Сулавеси, стали предметом изучения в работах Мангурая Хасана «Эволюция развития трансмиграции на Южном Сулавеси» и Афдола «Проект трансмиграции: яванское общество и коренное население» [Mangurai 1977; Afdol 1977].

При решении важных социально-экономических проблем индонезийские этнографы, сознавая свои еще недостаточно сильные научные позиции, прибегали к сотрудничеству с иностранными учеными разных профилей. Об опыте такого сотрудничества я уже упоминала в связи с книгой, посвященной индонезийской общине, изданной на английском и индонезийском языках. В конце 1970-х годов примером подобного сотрудничества стала книга голландского социолога Х. Хеерена, много лет жившего в Индонезии и занимавшегося проблемой трансмиграции на Южной и Центральной Суматре. Ему помогали в работе студенты Индонезийского университета, и книга его написана на индонезийском языке [Heeren 1979]. Все эти обстоятельства позволяют считать книгу Х. Хеерена вкладом не только в голландскую, но и в индонезийскую этносоциологию. Автор рассматривает историю миграции за период с 1905 по 1967 г. и исследует ряд социально-экономических и культурных аспектов этой проблемы. Книга состоит из двух частей — описательной и теоретической. В теоретической части рассматриваются различные типы миграций — спонтанная, плановая, общая, семейная, локальная — и мотивы миграции. Главный вопрос, который исследует автор, — как складываются взаимоотношения между пришлым и коренным населением, а более конкретно — между яванцами и лампунгами, жителями Центральной и Южной Суматры. Различие социально-экономического развития, прежде всего взглядов на владение землей, различия в родовой и общественной структуре, приводящие нередко к реорганизации сложившихся традиционных институтов у лампунгов, разные религиозные представления порождают сложный и запутанный клубок межэтнических отношений, который трудно распутать, проводя только официальную государственную политику.

Особое внимание в книге обращено на то, что при осуществлении трансмиграции надо учитывать проблемы социализации, системы ценностных ориентаций, разный уровень развития экономики и разную адаптивную способность культур на уровне семьи и всей этнической группы, т. е. весь комплекс этнокультурных особенностей народов, вступающих в культурное взаимодействие. Учитывая всю сложность проблемы совместимости культур, Х. Хеерен выделяет три степени культурного взаимодействия: 1) сегрегация, т. е. ситуация, когда полностью отсутствуют социальные, а также культурные контакты между иммигрантами и коренными обитате-

лями; 2) абсорбция, т. е. полное поглощение одной культуры другой; 3) фузия, т. е. ситуация, когда иммигранты и принявшее их общество участвуют в экономической и социальной жизни, в процессе чего возможно взаимное усвоение особенностей культуры каждого из них и достижения некоего смешения культур. Складывающиеся отношения между яванцами и лампунгами представляют неутешительную картину, не способствующую фузии культуры: яванцы занимают позицию безразличного отношения к лампунгам, редко контактируют с ними, обладают в то же время повышенной самооценкой. Лампунги, в свою очередь, презируют «бедных безземельных яванцев», сторонятся их (что, возможно, является компенсацией за яванское «высокомерие»), часто говорят: «Живем как вода и масло». Общество лампунгов обладает развитой стратификацией с разветвленной системой титулов и званий; иммигранты-яванцы причисляются в ней к низшим слоям. Браки между яванцами и лампунгами крайне редки. Все перечисленные факторы способствуют развитию изолированной и замкнутой яванской общины на Суматре. Таким образом, желаемая перспектива интеграции культур, которая возлагалась в определенной степени на политику трансмиграции населения, оказывалась с точки зрения этносоциологической, делом весьма далекого будущего.

Для того чтобы поднять уровень исследований в области социальных наук, по инициативе отдела воспитания и культуры было проведено два экспериментальных совместных индонезийско-американских и индонезийско-австралийских исследования на средства из Фонда Форда. Во главе организованного комитета встал известный социолог Село Сумарджан, членами его были также известные этнографы и социологи Кунчаранинграч, Алфиан, Бахтиар и др. Первой областью исследования, проводившегося в 1974 г., была избрана Аче (Северная Суматра), второй — Уджунг Панданг (1975 г.). С американской стороны помощь индонезийским коллегам оказывали антрополог Стюарт Шлегель из Калифорнийского университета Санта Крус (1974 г.) и историк из Австралийского Национального университета Дэнс Касл (1975 г.). Исследования проводились по качественному методу в варианте *Grounded research*, предлагаемому Б. Г. Глэйзером и А. Л. Стросом [Glaser, Strauss 1974]. Участникам эксперимента предоставлялась полная свобода действий в поле, обеспечивающая как можно более глубокое вживание в материал и понимание проблемы. Собранный материал подвергали первичной обработке, классификации и анализу. Это была своего рода учеба в поле. Полевые исследования сочетались одновременно с семинарскими занятиями, дискуссиями и обсуждением полученных тут же результатов, на которые приглашали видных ученых. Все, что было написано, также обсуждалось. Таким образом, в результате первого эксперимента родилась коллективная работа «Социальные аспекты культуры ачесского общества» [Segi-segi 1977], в которой содержатся статьи по проблемам семьи и брака, воспитанию детей, о роли вождя и институте вождей в общине, роли фольклора в изучении традиционного общества аче, а также статьи о социальных изменениях в ачесской

деревне, соотношении обычного права, религиозных институтов и законодательства в аческой общине и др.

Если демографическая политика трансмиграции поставила в этнографической науке проблему изучения совместимости и взаимодействия культур, культурной адаптации и ассимиляции, то другое демографическое мероприятие, «планирование семьи», вызвало к жизни особое направление в этнографии — изучение народной медицины. И хотя этномедицина занимает значительно более скромное место по сравнению с социально-экономической тематикой, не упомянуть о ней нельзя, так как иначе проблема планирования семьи во многом теряет свой этнографический аспект, оставаясь в кругу чисто демографических и экономических проблем современной Индонезии. А эта проблема в 1970-е годы продолжает занимать видное место не только в научной литературе и индонезийской прессе. Мероприятия по планированию семьи пропагандируют не только социологи, демографы, врачи, но и политические деятели [Rakernas 1978]. В качестве средства пропаганды этой политики используется даже один из самых любимых и массовых видов древнего культурного зрелища яванцев — теневого (а правильнее — силуэтный) [Соломоник 1983] театр *ваянг* [Guritmo 1973: 75–90].

В 1972 г. в стране усилиями двух университетов, Индонезийского в Джакарте и Лейденского в Голландии, был организован Центр общественного здоровья — *Pusat Kesehatan Masyarakat*. Медики и социологи, выбрав местом своих исследований область на Западной Яве Серпонг, поставили задачу проанализировать социальные, культурные и экономические факторы, влияющие на рождаемость, и изучить отношения разных групп населения к вопросу планирования семьи. В 1971–1975 гг. вышло 25 специальных выпусков с результатами исследований. Среди них внимание этнографов не может не привлечь публикация, посвященная народной медицине [Azwar 1974]. Автор ее, Асрул Азвар, исходит из двух теоретических установок: одна из них принадлежит Нико Каланги, другая — Л. Клику, изучавшему одно из племен Новой Гвинеи. Согласно первой установке, комплекс по охране здоровья, предотвращению и лечению болезней образует в общине особый социальный институт, который вместе с другими институтами (религией, верованиями, обычаями, системой воспитания и т. п.) составляет часть функционального целого, называемого культурой [Kalangie 1974: 16]. Согласно второй — традиционные способы лечения являются особой формой поведения и соответствуют уровню развития культуры [Click 1967]. А. Азвар считает, что в обществе, где традиционные способы лечения преобладают (а именно таковым является западнояванская община), самое мудрое решение состояло бы в том, чтобы медицинские круги не противодействовали им. Тогда современные способы по поддержанию здоровья внедрились бы гладко, не вызывая социальных конфликтов [Azwar 1974: 2]. Он изучил деятельность 144 *дукунов* (лекарей, шаманов) в области Серпонг, рассмотрел их деятельность с социально-культурной точки зрения, показал необходимость существования их в общине, подробно описал методы лечения в связи с яванской концепцией болезни и представлением о здоровье как о фи-

зическом, духовном и социальном благополучии, выявил взаимоотношения дукунов между собой и отношения их к современной медицине. Работа о деятельности яванского дукуна показывает необходимость изучения медицинских и социодемографических проблем в общекультурном контексте данного общества. Отметим, что подобным же образом подходит к изучению яванского движения, направленного на внутреннее усовершенствование, и психиатр Дипойоно. Он связывает истоки этого движения с особенностями национального характера и этнических принципов яванцев [Dipoyono 1969: 37–45; 1970: 4–15]. В июле 1974 г. состоялся международный семинар в Бангкоке и Куала Лумпуре в связи с мероприятиями по планированию семьи, на котором, в частности, анализировалась роль повитух в наблюдениях за беременными и уходе за новорожденными в Малайзии, Индонезии, на Филиппинах и в Таиланде [Purwodihardjo 1974].

В плане этнокультурной специфики народной медицины очень интересна книга врача Сено Сastroamidжою «Размышление о представлении театра кожаных кукол...», в которой представления силуэтного театра рассматриваются как своего рода психотерапия, очень важная для поддержания здоровья социального коллектива. Автор считает необходимым с этой точки зрения привлечь к изучению театрального искусства Явы специалистов по социальной психологии и врачей-психиатров [Seno Sastroamidjojo 1964].

В 1969 г. в Тугу состоялся семинар ученых, занимающихся изучением индонезийского общества и культуры, на котором было принято решение дать обобщение и типологию развития индонезийской общины. По материалам этого семинара вышел в свет сборник статей под редакцией Кунчаринграта «Человек и культура» [Manusia 1971]. Он был задуман в качестве одного из мероприятий по укреплению этнических связей народов Индонезии и всего мира [Manusia 1971: 117]. Сборник состоит из статей первого поколения индонезийских ученых, занимающихся изучением разных типов общин или, пользуясь нашей терминологией, хозяйственно-культурных типов. Было предусмотрено, чтобы каждый раздел писал либо представитель того же этноса, о котором идет речь, либо исследователь, много лет проживший среди изучаемого народа. Во всех разделах по различным ипам общин у народов Явы, Бали, Суматры, Калимантана, Сулавеси, Амбона, Флореса, Тимора, у китайцев в Индонезии освещались вопросы ведения хозяйства, семьи и социальной организации, религиозные представления, а также вопрос о модернизации культуры соответствующего этноса в связи с необходимостью учитывать степень этнического своеобразия и возможности участия различных этносов в общекультурной жизни государства. В заключении книги суммированы и обобщены этнические различия, представлены разные системы ценностных ориентаций, являющиеся нередко причиной конфликтов и тормозами для проведения политики культурного развития в масштабах всей Индонезии.

Мы уже имели возможность не раз убедиться в том, что почти каждое этнографическое исследование должно было отвечать животрепещущим

проблемам современности, т. е. способствовать экономическому, национальному и культурному строительству Индонезии. Из анализа рассмотренных нами работ создается впечатление, что в этнографии Индонезии существует крен в сторону изучения социально-экономической структуры общества. Это действительно так, хотя нельзя сказать, что этнографы уделяют мало внимания исследованию культурных традиций народов Индонезии. Наоборот, проблемы культурного развития, связей традиционной и современной культуры, религии и культуры, судьбы культурных ценностей — предмет постоянного обсуждения на симпозиумах, конгрессах, в печати. Однако индонезийские этнографы вкладывают в понятие *культура* свое содержание, отличное от принятого в других странах. Это можно было заметить уже в первые годы существования независимой Индонезии, когда еще не сформировалась этнография как наука, но был сформулирован этнографический подход к культуре, охватывающий всю жизнь человеческого коллектива. Кроме материалов по этому вопросу, рассмотренных на первых двух конгрессах по культуре, о чем говорилось в начале очерка, можно добавить и материалы семинара по традиционной культуре и искусству, проходившего в Джокьякарте в 1956 г., на котором наряду с докладами по традиционным танцам и музыке затрагивались проблемы реконструкции сельской общины [Proceedings 1956: 18–19].

Дальнейшие этнографические исследования лишь развивали и укрепляли идею равнозначности понятий *культура* и *общество*, включая в понятие *культура* и социальные отношения — точка зрения, разделяемая большинством американских ученых [Бромлей 1979: 7–22]. Наиболее подробно она изложена в книге Кунчаранинграта «Культура, образ мышления, строительство». Это историко-теоретическое исследование, основанное на методах англо-американских школ в этнографии с коррекцией на индонезийский материал. Кунчаранинград еще в 50-е годы высказал свой широкий взгляд на культуру как на результат всей человеческой деятельности. В этой книге он добавил к ранее выделенным элементам культуры еще один — средства существования. Ссылаясь на книгу Кребера и Клакхона [Kroeber, Kluckhohn 1952], в которой собраны и критически рассмотрены 160 определений культуры, Кунчаранинград дает свое определение культуры, согласно которому, это «совокупность идей и творений человека, которые усваиваются путем обучения, а также все, что относится к результатам его ума и трудовой деятельности» [Koentjaraningrat 1974: 19].

Культура у Кунчаранинграта предстает как упорядоченная система, реализующаяся, по крайней мере, в трех областях: 1) как комплекс идей и представлений, правил, системы ценностей; 2) как поведенческий комплекс; 3) как результат человеческого труда. Первая область — это духовная культура, традиции, обычаи, чья функция состоит в регулировании поведения и поступков людей. Вторая область — социальные отношения, третья — материальная культура. Все три области существуют в неразрывном единстве, и каждая из них включает широкий набор понятий и идей и состоит из ряда уровней. Например, духовная культура и один из ее уров-

ней — традиции и обычаи — в свою очередь подразделяются на культурные ценности — наиболее абстрактные представления, относящиеся к сфере эмоций, и на нормы и особые правила, которые выражают наиболее конкретные представления, связанные с ролевыми установками человека. Традиционным установкам в культуре, роли лидера, различиям в обычаях архаичных обществ, системе ценностных ориентаций (служащих нормативом в поведении большей части членов коллектива) уделено особое внимание в книге Кунчаранинграта, поскольку они оказывают самое сильное влияние на ход культурного строительства. Кунчаранингат не только теоретически обосновал пути исследования культуры индонезийского общества, но и начал проводить их в жизнь.

Возглавив Индонезийский институт научных знаний (*Lembaga ilmu pengetahuan Indonesia*) и отдел по изучению национальной культуры в этом институте (*Lembaga research Kebudayaan nasional*), он разработал пятилетний (начиная с 1969 г.) план исследований системы ценностных ориентаций у различных этнических групп и разных социальных слоев по срокам, полностью совпадающим с планом экономического развития Индонезии. Главная задача плана состояла в том, чтобы выяснить, какие элементы культуры мешают экономическому развитию. Большие надежды при этом возлагались на внедрение тех ценностей, которые способствовали бы развитию экономики, например внедрение духа предпринимательства среди индонезийской молодежи [Rintangan 1969]. Кунчаранингат осуществлял свою программу вместе со студентами отделения антропологии по тесту, предложенному Ф. Клакхон, учитывающему пять базовых черт личности: 1) внутренняя склонность человека; 2) отношение его к природе; 3) значимость для человека временного изменения; 4) наиболее высоко ценимый этим человеком тип личности; 5) доминирующая черта в отношении одного человека к другому [Kluckhohn 1950: 376–394]. Правда, антрополог Д. Дананджайя, высоко оценивая это начинание Кунчаранинграта, считает, что лучше для этой цели использовать другой тест — по завершению предложения: он вызывает большую необходимость точного ответа, чем ответ на прямо поставленный вопрос [Danandjaja 1972: 13].

Не разбирая методiku изучения системы ценностной ориентации, которой пользовался Кунчаранингат, я упомянула о ней, чтобы показать: эта работа, поощряемая индонезийским правительством, в сущности, заключается в себе идеи определенной школы — этнопсихологической, или школы психологической антропологии, или школы культуры и личности, возникшей в США в 1920–1930-х годах и развивающейся в тесной связи с психологией, психиатрией и социальной психологией [Рошин 1979: 23–47]. Еще голландские ученые Бет, Снук-Хюргронье, Вилкен изучали многие явления индонезийского общества с точки зрения теории культуры и личности. Позже это направление продолжили представители Лейденской школы (1920–1950-е годы), в 1940-е годы на индонезийском материале были написаны труды видных ученых этой школы Г. Бейтсона и М. Мид [Bateson, Mead 1942], К. Дюбуа [Dubois 1944]. В конце 1960-х годов оно получает раз-

витие среди индонезийских этнографов. Одна из первых статей представительницы этого направления Гунаван Митчел Истутиах называлась «Влияние социокультурных контактов на расстройство психики у минангкабау». На примере изучения больных минангкабау автор показывает, что столкновение двух систем ценностных ориентаций, двух социокультурных стереотипов, усвоенных минангкабау в родных местах с детства и приобретаемых ими в больших городах, куда они прибывают в поисках работы и образования, ведет к крайне напряженным состояниям психики [Istutiah 1968]⁸.

Другая индонезийская исследовательница, Пуспа Васанти Хендарто, сделала попытку определить подоплеку конфликтных ситуаций между индонезийцами и индонезийскими китайцами. Изучив представителей китайской национальности в Индонезии, она показала, во-первых, что китайцы далеко не все принадлежат к торговой прослойке, следовательно, распространенное мнение о них как о ловких предпринимателях не соответствует действительности, во-вторых, что многие китайцы Индонезии держатся обособленно от индонезийцев не потому, что противятся связям с ними, а потому, что плохо знают особенности культуры и характера индонезийцев. Китайцы Индонезии также пребывают во власти стереотипных представлений о лени и экстравагантности индонезийцев. Таким образом, только взаимная неосведомленность о культуре и личностных особенностях другого этноса часто ведет к серьезным осложнениям в отношениях, что делает курс правительства на ассимиляцию китайцев вряд ли осуществимым⁹.

К этому же направлению примыкают работа бывшего министра Мохаммада Саида Рексохадипроджо о национальном характере и системе ценностных ориентаций и образе мышления яванцев [Reksohadiprojo 1973: 17–23], а также статья культурантрополога Ихромни, подчеркивающая важность систематических исследований процессов социализации, системы ценностных ориентаций, механизмов социального контроля, гарантирующих сохранение и передачу культуры этносов [Ihromi 1973: 24–35; Ave 1970].

Этнопсихологическому направлению в этнологии придается важное значение в современной Индонезии, так как, по мнению этнографа Дж. Дананджайи, исследования этнических особенностей культур, ценностей, которыми руководствуется в своем поведении большинство представителей этносов, изучение процессов социализации, предпочтительных в каждом обществе способов передачи культурных традиций, изучение базовой и модальной структур личностей способствуют более эффективному внедрению новых идей и представлений и позволяют по-настоящему осуществить культурное строительство в Индонезии [Danandjaja 1972: 13]. Сам Дж. Дананджайя проводил интенсивные полевые исследования на Яве в 1974–1976 гг., результатом которых стал большой труд, посвященный проблемам

⁸ Напечатана на англ. яз. [Indonesia 1969]. Под этим же названием см. в книге: [Larogan 1972: 1–49].

⁹ Работа не опубликована. Ее содержание см. в статье: [Danandjaja 1972: 8–9].

социальной структуры, культуры, религии, общественным отношениям и социализации детей у балийцев [Danandjaja 1980].

Большую озабоченность проявляют этнографы в связи с усиливающимся западноевропейским влиянием. Появляются работы, подчеркивающие необходимость создания и сохранения богатства собственно индонезийской культуры и обычаев и использования возможностей своих культурных традиций в процессе модернизации жизни [Indonesian... 1973: 2]. Поэтому возникает стремление конкретно изучать различные стороны традиционной культуры этносов с историко-этнографической и филологической точек зрения. Организуются специальные семинары и общества, посвященные изучению определенного этноса, и, как правило, инициаторами выступают ученые, принадлежащие к тому этносу, который они изучают. Эта тенденция явно выражена у минангкабау. В течение 1960-х годов был издан ряд хроник генеалогических легенд, описаний обычаев, одежды на языке минангкабау, иногда на двух языках — минангкабау и индонезийском¹⁰. Так, выход в свет книги об обычаях минангкабау воспринимается как прямой ответ на призыв возродить национальную самобытность и понять таким образом, какие элементы местной культуры необходимо использовать для создания общенациональной индонезийской культуры [Thaib 1965]. В 1970 г. в Батусанкаре состоялся семинар по изучению минангкабау, на котором обсуждались проблемы социальной организации этого народа и новые тенденции в ее развитии, миграция минангкабау, ее положительные и отрицательные стороны. В 1972 г. в Джакарте организовано общество минангкабау, издающее с 1974 г. специальный журнал, в котором печатаются статьи по культурной и физической антропологии, языку, литературе, искусству минангкабау. Во вступительной статье первого номера этого журнала главный редактор (он же председатель общества) Бахдер Джохан подчеркнул необходимость всесторонне изучать традиционную культуру минангкабау в связи с быстрыми темпами модернизации [Bahder 1974: 1–2]. Своеобразие культуры этого народа до Второй мировой войны и сохранению культурных традиций минангкабау, покинувших свой край и живущих в условиях урбанизированной чужой культуры, посвящены еще две статьи этого журнала [Hanafiah 1974: 36–43; Tjahaja Limbah 1974: 43–52].

Интерес к истории и этнографии своего народа проявляется и у аче. Еще в 1961 г. вышла книга о роли аче в истории Индонезии [Said 1961] — проблема, продолжавшая обсуждаться на Неделе изучения культуры аче, проходившей под девизом «Лицо ачского народа в ходе истории» [Verita 1974: 13].

На смену непритязательным очеркам о жизненном цикле, верованиях, обрядах, родовой организации батаков [Narahap 1960; Daulae 1961] приходят серьезные исследования по батакской религии [Tobing 1956] и системе

¹⁰ В 1950–1960-е годы были изданы хроники минангкабау, генеалогические легенды, записаны их обычаи [Bahar 1966a; 1966b; Batuah A. 1956; Batuah M., Bagindo T. 195...; Radjab 1958; Tjahaja 1955].

родства [Singarimbun 1975]. Книга о системе родства у батаков написана первым ученым батакского племени каро Масри Сингаримбуном (прежние работы были написаны тоба и англола батаками), стажировавшимся в Австралийском Национальном университете под руководством известного ученого М. А. Джаспэна. Масри Сингаримбун критически подошел к материалам по системе родства каро батаков, собранным и исследованным европейцами, прежде всего голландскими учеными. Он собрал подробные сведения по мифологии, обычному праву, семье, браку, родственным группам в нескольких каро батакских деревнях и пришел к выводу, что распространенное представление об уникальности системы родства у каро батаков не соответствует действительности.

Идея о тесной связи этнографии с современной жизнью претворяется не только в тематике научных трудов. Необходимость в этнографических знаниях ощущается многими работниками в повседневной жизни. Поэтому этнографическому образованию придается большое значение в стране. Этнография входит в число общеобразовательных дисциплин в средних школах. Во многих высших учебных заведениях на юридическом, географическом, филологическом, психологическом, экономическом факультетах, на факультете социальных наук, общественного здоровья, в военно-юридическом институте читаются курсы «Введение в антропологию (этнографию)». Отделения этнографии (антропологии) имеются в Национальном Индонезийском университете в Джакарте при литературном факультете, в Университете им. Гаджи Мады в Джокьякарте при медицинском факультете, в Университете Паджаджаран в Бандунге при филологическом факультете, при Университете Чандеравасих (Джайяпура, Западный Ириан) есть Институт антропологии. Факультеты социальных наук (социально-политических или социально-юридических) имеются в 17-ти университетах страны. Упомянутый нами Институт научных знаний (*Lembaga ilmu pengetahuan Indonesia*) был образован в 1967 г. В его ведении находятся Институт национальной экономики и социальных исследований, Институт исследований по культуре. Во всех этих институтах комплексно изучаются этносоциологические и этнокультурные проблемы сегодняшней Индонезии. Научное общество по изучению индонезийской культуры (бывшее Батавское королевское общество по изучению языка, культуры и народов Нидерландской Индии) и Научно-исследовательский институт национального языка издают труды по различным вопросам культуры. Научные публикации издает и Центральный музей в Джакарте, в котором имеются отделы антропологии и этнографии. В 1972 г. в стране печатались 52 журнала по социальным наукам, но, по словам Алфиана, директора Центра по изучению политики при Институте экономических и социальных исследований, серьезных из них весьма немного [Alfian 1979].

В середине 1970-х годов начал издаваться журнал *The Indonesian Quarterly*, посвященный различным проблемам изучения традиционной культуры и общества. Та же тематика отражена в журналах *Indonesia Magazine*, *Masyarakat Indonesia*. Существуют журналы более узкой этнографической

тематики: *Berita Antropologi, Manusia Indonesia* — издания Центрального музея; *Minangkabau* — издание Общества минангкабау; журнал *Madjalah untuk ilmu bumi dan kebudayaan Indonesia* — издание Общества по изучению индонезийской культуры.

В январе 1972 г. при филологическом факультете Индонезийского университета в Джакарте в течение 20 дней работали курсы повышения этнографических знаний для преподавателей, читающих лекции по введению в этнографию. Курсы состояли из лекций и практических занятий: 48 часов было отведено лекциям по этнопсихологии, 40 часов — лекциям и 18 часов — практическим занятиям по методике изучения общества (формулировка задач, методика сбора, записи, классификации и анализа материала). 48 часов отводилось дискуссиям и обсуждениям основных проблем этнографии в целом и индонезийской в частности; рассматривались следующие вопросы: I. Область изучения современной антропологии. II. Задачи антропологии в современной Индонезии. III. Типология культуры и общины в Индонезии. IV. Индонезийская антропология и задачи национального строительства в целом, а также проблема модернизации и вестернизации культуры, проблема национальной интеграции и проблемы трансформации культурных ценностей [Larogan 1972: 4–5]. Весь этот круг вопросов, по существу, находится в центре внимания индонезийских этнографов по крайней мере в течение последних 10–15 лет. Печатные материалы курсов состояли из опубликованных статей английских и американских ученых из антологии *Teaching of Anthropology* [Teaching 1963], английского перевода индонезийской статьи о нарушениях психики у минангкабау, о которой уже упоминалось, впервые опубликованных статей Б. Поттера о психологических изменениях в культуре и индонезийского этнографа Дананджайи «Культура и личность в Индонезии. Прошлое, настоящее и будущее».

В данной статье встречается имя индонезийского этнографа, к работам которого мы обращались чаще всего. Это Р. М. Кунчаранинград — признанный глава индонезийской этнографии. С ним связаны основные достижения историко-теоретической этнографической мысли. Дадим несколько справок по его научной биографии. Кунчаранинград начал работать в 1950 г. в Университете им. Гаджи Мады (Джокьякарта), а в 1952 г. перешел на работу в Индонезийский университет (Джакарта). В 1956 г. он защитил диссертацию на степень *Master of arts* по антропологии в Йельском университете (США) за работу по яванской системе родства, о которой говорилось выше. В 1958 г. получил степень доктора антропологии Индонезийского университета за «Методы антропологии в изучении общества в Индонезии» [Koentjaraningrat 1961b]. Работал в Питтсбургском университете (США), в Утрехтском университете (Голландия, 1966–1967 гг.), Колумбийском университете (США, 1967 г.), в Иллинойском университете (США, 1968 г.), в университете штата Огайо (США, 1971 г.), в Австралийском университете (1973 г.). С 1970-х годов — профессор антропологии в университетах Джакарты и Джокьякарты, в Военно-юридической школе, Высшей полицейской школе, глава Института социальных исследований при Инс-

титуте научных знаний Индонезии. В настоящее время на пенсии. Он автор более 150 книг и множества статей по различным проблемам индонезийской этнологии, издающихся не только в Индонезии, но и в Голландии и США. Его труды определяли и продолжают во многом определять проблематику и основные направления индонезийской этнографии. Неудовлетворенный состоянием развития современной индонезийской этнографии, он создает проекты и программы будущих этнографических исследований.

Какой представляется ему сегодняшняя этнографическая наука Индонезии и какой он видит ее в будущем? Кунчаранинград подробно ответил на эти вопросы в 1969 г. в книге «Значение антропологии в Индонезии в настоящее время». В ней дан обзор этнографического изучения страны до и после Второй мировой войны, кратко характеризуется этнология разных стран Европы, в том числе и в СССР, США, Азии, и говорится о довольно скромных к тому времени результатах собственно индонезийских исследований. За этой историографической частью книги следует теоретическая часть, в которой определены границы и содержание этнографии. Кунчаранинград решительно выступает против представления об антропологии как науке, занимающейся изучением первобытных племен. Считая такой взгляд устаревшим и европоцентристским, он излагает свою точку зрения на этнографию как «науку, стремящуюся понять различные вопросы современной жизни общества и его культуры» [Koentjaraningrat 1969a: 108].

Индонезийская этнография, став самостоятельной наукой, склонна пользоваться методами и концепциями англо-американских ученых, но Кунчаранинград считает, что она должна обрести свою специфику, выбрать из множества идей, теорий, методов этнологии других стран только те, которые отвечают внутренним потребностям страны и способствуют построению прогрессивного индонезийского общества. «Индонезийская антропология — это наука, изучающая факторы социального и культурного развития, направленная на: 1) образование единого, национального, демократического государства, 2) строительство справедливого и процветающего современного общества, 3) установление прочной дружбы между различными государствами» [Koentjaraningrat 1969a: 108]. Далее в книге развернута конкретная программа этнографических исследований, в основном совпадающая с тем проектом, который был составлен Кунчаранинградом в содружестве с социологом Х. Бахтиаром, т. е. исследование процессов интеграции и ассимиляции народов и этнических групп через тщательные полевые работы у малоизученных народов Малых Зондских и Молуккских островов, Сулавеси, Калимантана, Суматры, а также через изучение общностей неиндонезийского происхождения — китайцев, арабов, индийцев. Внимание антропологов должны привлечь исследования народов и групп, обладающих духом лидерства и организации экономического строительства. Подчеркивается важность изучения общинной организации, духовной культуры, национального характера, системы родственных и социальных связей, процессов аккомодации и взаимодействия культур, разных систем ценностных ориентаций, отношения населения

к экономическим, демографическим правительственным мероприятиям и ряда других проблем социального и этнического порядка, о которых мы неоднократно упоминали.

В работе «Значение антропологии для современной Индонезии» Кунчаранинград возлагает на этнографию миссию укрепления дружбы между народами. Это целиком относится к будущему индонезийской этнографии, когда она от изучения народов собственной страны сможет перейти к изучению народов других стран — Азии, Африки, Океании. С этой целью предполагается написать серию этнографических очерков зарубежных народов (причем за образец взято советское издание «Народы мира»), а также опубликовать «Очерки народов Индонезии» на двух языках — индонезийском и английском. Так, знакомясь с народами других стран и знакомя другие страны со своими народами, индонезийская этнографическая наука будет содействовать укреплению дружеских связей во всем мире.

В 1982 г. Кунчаранинград составляет антологию социально-демографических и этнографических статей, сосредоточенных на проблемах национального строительства [Masalah 1982].

Каким же представляет себе Кунчаранинград индонезийского этнографа в перспективе? Он должен быть готов к исследованию сложных проблем, перед которыми стоит индонезийское общество. Следовательно, он должен владеть методикой диахронического и синхронического анализа, обладать палеоантропологическими, археологическими и лингвистическими знаниями, знать этнографию других стран — Азии, Африки, Латинской Америки, ориентироваться в смежных науках — социологии, экономике, географии, лингвистике, истории, социальной психологии, что необходимо как для совместных комплексных теоретических исследований, так и для практики национального строительства [Koentjaraningrat 1969a: 109–110]. Мечта об ученом такого масштаба и такой эрудиции присуща не только этнографам Индонезии. Вопрос только в том, как ее достичь. Сам Кунчаранинград и созданная им школа этнографов в Индонезии прилагают немалые усилия, чтобы приблизиться к этому идеалу.